

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Т. БОНДАРЕНКО

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус-3
DOI 10.22405/27128407_2021_1_69

UDC 811.161.1
LBC 81.2 Рус-3

О СМЕХЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В. Т. Бондаренко

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы, обладающие коммуникативно-прагматической целеустановкой на создание комического эффекта. Установлено, что реализация и воздействие фразеологических шуток определяются их коннотациями. Фразеологическая единица может вызвать у адресата как улыбку, так и скрытую насмешку. Сила осмеяния имеет разную степень интенсивности. В статье рассмотрены разные структурные виды шуточных фразеологизмов, построенных на смысловом контрасте двух частей по аналогичному типу.

Ключевые слова: фразеологизм, прагматика, смех, ирония, коннотация.

LAUGHTER IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

V. T. Bondarenko

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article deals with phraseological units having a communicative and pragmatic goal for creating a comic effect. The author finds out that the connotations determine the implementation and impact of phraseological jokes. A phraseological unit can cause both a smile and a latent ridicule of the addressee. The power of ridicule has varying degrees of intensity. The article discusses various structural types of humorous phraseological units built, in a similar manner, on the semantic opposition of two parts.

Keywords: phraseology, pragmatics, laughter, irony, connotation.

Всему свое время... Время рож-
даться и время умирать... Время убивать
и время врачевать... Время плакать и
время смеяться...

Екклесиаст, гл. 3, 1-4

Составляя суть человеческого мировоззрения, смех всегда привлекал самое пристальное внимание философов, психологов, писателей, литературоведов, лингвистов, культурологов. История разработки проблемы смеха насчитывает по меньшей мере две с половиной тысячи лет, если начинать ее с Платона и Аристотеля. Ведь эстетический смех – (комическое как явление культуры) – одна из основных эстетических категорий, наряду с прекрасным, возвышенным и трагическим [11].

Общим моментом во многих теориях является признание того факта, что в основе языкового изображения комического лежит сочетание несходного [15], контраст двух планов (противоположность, противоречие, отклонение от нормы) [7]. С позиции теории фреймов образование языковой шутки как словесной формы комического объясняется действием механизма, основанного на неожиданной смене фреймов, когда «сначала сцена описывается с одной точки зрения, а затем неожиданно (для этого достаточно одного-единственного слова)» предстает в совершенно другом ракурсе [9, с. 294]. В результате произвольного объединения в рамках одного текста разного материала происходит «короткое замыкание», приводящее сначала к недоумению вследствие непонимания, а затем – к внезапному распознаванию нового (шуточного) содержания.

Как называть проявления языкового смехотворчества и какие вербально-комические структуры к ним относить? Здесь среди ученых нет единства. В. Д. Девкин, например, все, отмеченное лингвистическим комизмом, предлагает объединить понятием юмора. К юморам относятся и единицы языка: слова, фразеологизмы, устойчивые фразы (поговорки, крылатые выражения и др. клишированные фразы), и единицы речи: предложения и тексты [6]. В. З. Санников же использует в качестве общего названия сочетание языковая шутка – «цельный текст ограниченного объема (или автономный элемент текста) с комическим содержанием» [12, с. 23]. Тем самым отмечается смысловая и грамматическая законченность смехового произведения.

Объектом нашего внимания являются фразеологизмы, обладающие коммуникативно-прагматической целеустановкой на создание комического эффекта, вызывающего у слушателя/читателя улыбку или удовольствие в виде смеха. Ср.: *на рыбьем меху, заливатья соловьем, кот наплакал, рот шире ворот; Милости прошу к нашему шалашу, У лысого голова не чешется*¹.

Смеховая культура русской фразеологии исследована незаслуженно мало. Многие шутливые фразеологизмы не получают в современных словарях надлежащей лексикографической оценки. Изучение юмора фразеологии поможет раскрыть и лучше понять смеховой мир русского народа (над чем смеемся? почему? как?), постичь национальное своеобразие лингвистической техники комического в русском языке.

Уже при беглом знакомстве с единицами фразеологии, при погружении мир фразеологических образов и фантазий сразу же напрашивается мысль о большой предрасположенности фразеологического материала к юмористическому осмыслению и изображению действительности, свидетельствуя тем самым о склонности русского человека к шутливости и комикованию. Это еще зорко было подмечено гениальным Н. В. Гоголем: «У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях... Трудно найти русского человека, в котором бы не соединялось вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблагодарить – свойство над чем-нибудь истинно посмеяться. Все наши поэты заключали в себе это свойство» [5, с. 358].

Подтверждение этому можно найти и в «Лекциях по русской литературе» В. Набокова. Рассматривая персонаж нос в гоголевских произведениях «как литературный прием, свойственный глубокому карнавальному юмору и русским шуткам по поводу носа в частности», писатель отмечает следующее в этой связи: «Знаменитый гимн носу в «Сирано де Бержераке» Ростана – ничто по сравнению с сотнями русских пословиц и поговорок по поводу носа. Мы вешаем его в унынии, задираем от успеха, советуем при плохой памяти сделать на нем зарубку, и его вам утирает победитель... Мы чаще, чем любой другой народ, говорим, что водим кого-то за нос или кого-то с ним оставляем. Сонный человек «клюет» им, вместо того чтобы кивать головой. Большой нос, говорят, – через Волгу мост или – сто лет рос. В носу свербит к радостной вести, ежели на кончике вскочит прыщ, это – вино пить. Писатель, который мельком сообщит, что кому-то муха села на нос, почитается в России юмористом» [10, с. 33–34].

О массовом характере представленности «несерьезных» (шутливых) единиц в составе русской фразеологии можно судить по самим словарным материалам. В четырехтомном труде И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах» одним из шести источников пословиц специально указаны «острые ответы и шутки, сделавшиеся общими и составляющие знамение жизни умственной и нравственной, общественной и семейной» [13, с. 156].

Обратившись к списку паремий, приведенных в знаменитом словаре В. Даля «Пословицы русского народа» по тематическому признаку, мы найдем достаточно большое количество этих речений в разделе «Смех – шутка – веселье». Приводимые дидактические пословицы интересны с точки зрения связи выражаемого ими культурного концепта «смех» с другими концептами: дело, правда, грех, печаль, веселье и др. См.: *Смешки смешками, а дело делом; В шутках правды не бывает; В чем живет смех, в том и грех; Кто смешлив, тот и слезлив; Шутку шутить, смех веселить.*

Что касается устойчивых фраз с комическим содержанием, то они рассыпаны в изобилии в каждой словарной рубрике (всего их 178). А такой раздел, как «Кабы – если б», сплошь представлен смеховыми единицами: *Кабы не плешь, так бы и не голо; Кабы не кабы, стала б кобыла меринком; Кабы ты была пила, то бы ты была железная; Если бы не мороз, то овес бы до неба дорос и т.д.*

Реализация и воздействие фразеологических шуток определяются их коннотативной (эмотивно-оценочной) характеристикой. С одной стороны, выделяются фразеологизмы – собственно шутки, относящиеся к числу безобидных, одобрительных: *на деревню дедушке, короче воробыного носа, Жизнь бьет ключом и все по голове; до свидания, милое создание; чай не водка – много не выпьешь.*

Главные значения таких единиц – вызвать у адресата улыбку, веселье, доставить ему удовольствие, а заодно и похвалить, утешить, подбодрить, создать непринужденную и благоприятную атмосферу общения.

Когда шутка очень обесмысливается, это уже балагурство, смех ради смеха: *Аз пью квас, а увижу пиво, не пройду мимо; Где уж нам за вами, лучше вы за нами; Спишь, спишь, а отдохнуть некогда; Как начет картошки дров поджарить? Шутит покойник: помер во вторник, а в среду встал да лошадку украл.* Употребляя подобные паремии, говорящий не ставит перед собой никаких содержательных задач, кроме одной – развлечь, хорошо повеселить себя, собеседника и окружающих. Как отмечал, Д. С. Лихачев: «Балагурство – одна из национальных русских форм смеха, в которой значительная доля принадлежит «лингвистической» его стороне» [8, с. 21].

На другом полюсе располагаются тенденциозные фразеологические шутки, в которых негативная оценка имеет неодинаковый характер проявления. С их помощью можно выразить ироничное отношение к объекту оценки – тонкую, лукавую шутку, скрытую насмешку, несущую в замаскированной виде критический запал. Ср.: *развесистая клюква, легкость в мыслях необыкновенная, Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву; Хмельного в рот не берет, а на своих двоих шатается.*

Будучи шуткой «с двойным дном» (насмешить и одновременно покритиковать, подчеркнуть недостатки и при этом смягчить критику, пощадить чувства), иронический фразеологизм и действует на объект иронии двояко. Он может быть воспринят адресантом в целом одобрительно за получение эстетического удовольствия от формы выражения иронии (реализуется смеховая установка) или, наоборот, неодобрительно (обиженно, раздраженно) при реакции на отрицательную оценку.

Далее по нарастанию негативности идет фразеологическая насмешка – «сильная» шутка, обидная, злая. Насмешливые фразеологизмы оказывают отрицательно комическое воздействие, их коммуникативная цель – выставить адрес на смех окружающих, посрамить его, осудить, разоблачить с позиции идеала (нормы), что может вызвать у объекта осмеяния негодование, зло и обиду. В результате коммуникативного акта осмеяния отправитель речи, а возможно, и третьи лица получают определенное психологическое и эстетическое удовлетворение.

Сила осмеяния и сам «калибр» фразеологических насмешек могут быть самые разные: от не очень обидного, не очень злого, порицательного до убойного (возмущения, осуждения, презрения, пренебрежения, отвращения). Ср.: *Без штанов, а в шляпе; Студент прохладной жизни; Служит землемером по винной части; А его лоб только поросят бить; У него семь волос – и все густые; Не ковыряй в носу, лопату принесу; Гений среди удобрений; Мал клоп да вонюч; Урод: из заду ноги.*

Надо сказать, что граница между шуткой и иронией, шуткой и насмешкой, иронией и насмешкой во фразеологизмах не всегда бывает явной, о чем свидетельствуют и соответствующие пометы в словарях, когда одна и та же фразеологическая единица может квалифицироваться и как шутливая и как ироническая, шутливая и насмешливая [14]. Конкретная коннотативная расшифровка фразеологического знака происходит лишь в условиях речевого акта, с опорой на данные контексты.

Арсенал лингвистических средств (и приемов) комического в фразеологии использует ресурсы всех языковых уровней, участвующих в языковой игре [12], но далеко не в равной степени. Главную семантическую роль в производстве фразеологического смеха играет метафора. Ср.: *Чурка с глазами; Ветер свистит в карманах; Как аршин проглотил; под носом взошло, а в голове не посеяно; У него из голубятни голуби улетели; Чудно дядино гумно: семь лет урожая нет, а мыши водятся.* При этом чем сильнее натяжение и чем ярче, резче контраст между буквальным и переносным смыслами, тем больше юмора.

Для пословично-поговорочных фразеологизмов очень характерны приемы создания комического в плане выражения является каламбурное обыгрывание (на основе паронимии и омонимии), а также наличие рифмы, ритма и вообще созвучия. Ср.: *Я влез, а он в лес, я завяз, и он завяз; Ну и щи: хоть кнутом хлещи, пузырь не вскочит; Звал гостей, а накупил костей; Разорился парень бедный: купил девке перстенек медный.*

Прослеживается ли в срезе фразеологизмов русского языка какая-либо «грамматика» языкового смеха? Можно ли выделить здесь определенные типовые структуры, призванные для выражения и оформления юмора?

Хотя «внешняя одежда» шутливых фразеологизмов может быть самой разнообразной, однако синтаксическое построение многих из них подчинено основополагающему принципу действия в механизме комического – контрасту (антитезе). В таких фразеологических шутках прослеживается структурно-семантическая моделированность и серийность их образования.

Приведем некоторые структурные виды шутливых фразеологизмов, построенных на смысловом контрасте двух частей по аналогичному типу.

1. Субстантивные фраземы: *артисты с погорелого театра, герой кверху дырой, монах в рваных штанах, профессор кислых щей* и т.п.

2. Поговорки: *Воин: сидит в кустах и воет; Земляк: избил всех в синяк; Марток: надевай двое порток; Экономист: спичку – на шестерых, бутылочку на одного и др.*

3. Поговорки: *Седлай порты, надевай коня; Грудь нараспашку, язык на плечо; Курочка бычка родила, поросенок яичко снес; Две лошади белые, третья голая* и т.д.

4. Самый распространенной синтаксической структурой в шутливой паремии является бессоюзное сложное предложение с объяснительным значением [3, с. 153]: *Все наготове: сани в Казани, хомут на базаре; Коза пропала: было восемь – девять стало; Сделал дело: надел на свинью хомут; Хата брата всем богата: три полена, два ушата* и др.

5. Паремии с модальной частицей только: *Человек он умный, только мало смылит; Похожа свинья на быка, только шерсть немного не така; Лошадь совсем готова, только хомут надеть* и др.

6. Пословицы, построенные по модели сложноподчиненного предложения со значением временной обусловленности с *как..., так и*: *Как печь топить, так и дрова*

рубить; Как на охоту ехать, собак кормить; Как в пир идти, так и голову чесать и др.

7. Так называемые велеризмы [4]: Слепой сказал: «Посмотрим»; Глухой сказал: «Услышим»; «Хорошенького понемножку!» – сказала старушка, вылезая из под трамвая и т.п.

8. В качестве особого структурного типа языковых шуток можно рассматривать и многочисленные ответные фразеореплики, употребляющиеся в речи только в структуре диалогического единства, где просиходит резкое столкновение смыслов реплики-стимула и реплики-реакции. Ср.: (Кто?) – Дед Пухто; (Куда?) – Когда рак на горе свистнет; (Стыдно) – Стыдно у кого видно. См. об этом [2].

Все мы являемся свидетелями того, как в наше время, в условиях «опьянения» общества свободой и демократией, в средствах массовой информации и живой речи происходит невероятно сильная тяга к различным переделкам фразеологических единиц (особенно пословиц, поговорок и крылатых выражений), вовлечении их в среду языковой игры. Делается это из-за «раскованности» стиля и острой потребности в повышении языковой экспрессии как средства воздействия на слушателя и читателя.

Действенными приемами в образовании смехотворных фразеологических вариантов является замена компонентов, контаминация, расширение состава: *Птицу видно по полету; Счастливые трусов не надевают; Тише едешь, кобыле легче; Не плюй в колодец, вылетит не поймает; С милым рай и в шалаше, если милый атташе.*

В подобных переделках представлены и юмор, и зубоскальство, и глум, и стеб.

Примечания

1. В состав фразеологии мы вслед за В. Л. Архангельским [1] включаем как фраземы (единицы-минимум), так и устойчивые фразы (единицы-максимум).

Список источников и литературы

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
2. Бондаренко В. Т. Ответные фразеореплики в русской диалогической речи // Русский язык в школе. 2004. № 6. С. 75–77.
3. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 194 с.
4. Быкова А. А. Семиотическая структура велеризмов // Паремиологические исследования. М., 1984. С. 274–293.
5. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Сов. Россия, 1990. 428 с.
6. Девкин В. Д. Юморемы // Слово в словаре и дискурсе : сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М.: Элпис, 2006. С. 71–76.
7. Дземидок Д. О комическом : пер. с пол. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
8. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
9. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / пер. с англ. М. А. Дмитриховской // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 289–301.

10. Набоков В. В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М.: Независимая газ., 1999. 439 с.
11. Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: УРСС : Едиториал УРСС, 2003. 311 с.
12. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 547 с.
13. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Н. Новгород: Рус. купец : Братья славяне, 1996. 620 с.
14. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
15. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Алетейя, 1998. 308 с.

References

1. Arkhangel'skiy V. L. *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Stable phrases in modern Russian. Foundations of the theory of stable phrases and problems of general phraseology]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta Publ., 1964. 315 p. [In Russian].
2. Bondarenko V. T. *Otvetnyye frazeorepliki v russkoy dialogicheskoy rechi* [Reciprocal phraseological responses in Russian dialogical speech]. *Russkiy yazyk v shkole. № 6. [Russian language at school. Issue 6]*. 2004. Pp. 75–77. [In Russian].
3. Bochina T. G. *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits* [Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta Publ., 2002. 194 p. [In Russian].
4. Bykova A. A. Semiotic structure of velerisms [Semiotic structure of velerisms]. *Paremiologicheskie issledovaniya [Paremiological studies]*. Moscow, 1984. Pp. 274–293. [In Russian].
5. Gogol N. V. *Vybrannyye mesta iz perepiski s druž'yami* [Selected Passages from Correspondence with Friends]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. 428 p. [In Russian].
6. Devkin V. D. Yumoremy [Humorema]. *Slovo v slovare i diskurse : sbornik nauchnykh statey k 50-letiyu Kharri Val'tera* [Word in Dictionary and Discourse: A Collection of Scientific Papers for Harry Walter's 50th Anniversary]. Moscow: Elpis Publ., 2006. Pp. 71–76. [In Russian].
7. Dzemidok D. *O komicheskom* [Dzhemidok D. On the comic] transl. from Polish. Moscow: Progress Publ., 1974. 223 p. [In Russian].
8. Likhachev D. C., Panchenko A. M., Ponyrko H. B. *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in ancient Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 295 p. [In Russian].
9. Minsky M. *Ostroumiye i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo* [Logic of the Cognitive Unconscious] transl. from English by M. A. Dmitrovskaya. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnyye aspekty yazyka*. Moscow: Progress Publ., 1988. Pp. 289–301. [In Russian].
10. Nabokov V. V. *Lektsii po russkoy literature: Chekhov, Dostoyevskiy, Gogol', Gor'kiy, Tolstoy, Turgenev* [Lectures on Russian literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev]. Moscwo: Nezavisimaya gazeta Publ., 1999. 439 p. [In Russian].

11. Ryumina M. T. *Estetika smekha: Smekh kak virtual'naya real'nost' [Aesthetics of laughter. Laughter as virtual reality]*. Moscow: URSS: Editorial URSS Publ., 2003. 311 p. [In Russian].
12. Sannikov V. Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry. 2-ye izd., ispr. i dop. [Russian language in the mirror of the language game. 2nd ed., aug.]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 547 p. [In Russian].
13. Snegirev I. M. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. Russkiye v svoikh poslovitsakh [Dictionary of Russian proverbs and sayings. Russians in their proverbs]*. Nizhniy Novgorod: Russkiy kupets Publ.: Brat'ya slavyane Publ., 1996. 620 p. [In Russian].
14. Khimik V. V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi [The big dictionary of the Russian colloquial expressive speech]*. St. Petersburg: Norint Publ., 2004, 762 p. [In Russian].
15. Freud S. *Ostroumiye i yego otnosheniye k bessoznatel'nomu [Wit and its Relation to the Unconscious]*. St. Petersburg: Aletheia Publ, 1998. 308 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Бондаренко Виктор Терентьевич,
доктор филологических наук, профессор
кафедры документоведения и
стилистики русского языка
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого».

Information about the Author

Bondarenko Viktor Terentyevich,
Doctor of Philology, Professor of the
Department of Documentation
and Stylistics of the Russian Language,
Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.